

УДК 343.22

DOI 10.5281/zenodo.18032881

Монгуш Ш. Р., Долматов А. О.

Монгуш Шенне Радиевна, Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, д. 4, ул. Обруб, Томск, Томская область, Россия, 634050. E-mail: Uspunool94@bk.ru.

Долматов Александр Олегович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Западно-Сибирский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, д. 4, ул. Обруб, Томск, Томская область, Россия, 634050. E-mail: Uspunool94@bk.ru.

Проблемы квалификации действий отдельных участников организованной группы

Аннотация. Статья посвящена актуальным проблемам квалификации действий отдельных участников организованной группы. Автор анализирует трудности правоприменительной практики, связанные с распределением ответственности между организаторами и рядовыми участниками, определением границ умысла для исполнителей вспомогательных функций, а также квалификацией действий временных и специализированных участников. На основе анализа судебной практики выявляются противоречия в применении ст. 35 УК РФ, приводящие к нарушению принципа индивидуализации ответственности. В работе предлагаются направления совершенствования правоприменительного подхода и уголовного законодательства для обеспечения справедливой квалификации действий каждого участника организованной преступной группы.

Ключевые слова: организованная группа, квалификация преступлений, соучастие, уголовная ответственность, участник преступления, умысел, судебная практика.

Mongush Sh. R., Dolmatov A. O.

Mongush Shenne Radiyevna, West Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Building 4, Obrub Street, Tomsk, Tomsk Oblast, Russia, 634050. E-mail: Uspunool94@bk.ru.

Dolmatov Aleksandr Olegovich, PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law, West Siberian Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Building 4, Obrub Street, Tomsk, Tomsk Oblast, Russia, 634050. E-mail: Uspunool94@bk.ru.

Problems of qualification of actions of individual members of an organized group

Abstract. The article is devoted to the actual problems of qualifying the actions of individual members of an organized group. The author analyzes the difficulties of law enforcement practice related to the distribution of responsibility between organizers and ordinary participants, defining the boundaries of intent for performers of auxiliary functions, as well as qualifying the actions of temporary and specialized participants. Based on the analysis of judicial practice, contradictions in the application of Article 35 of the Criminal Code of the Russian Federation are revealed,

leading to a violation of the principle of individualization of responsibility. The paper suggests ways to improve the law enforcement approach and criminal legislation to ensure a fair qualification of the actions of each member of an organized criminal group.

Key words: organizational group, qualification of crimes, complicity, criminal liability, participant in the crime, intent, judicial practice.

Современное российское общество в процессе своего развития демонстрирует противоречивую динамику, где наряду с позитивными преобразованиями отмечается и устойчивый рост преступности. Особую тревогу вызывает увеличение динамики преступлений, совершенных организованной группой, представляющих повышенную угрозу для общественной безопасности. Расследование и пресечение деятельности организованных преступных формирований сопряжены со значительными процессуальными и практическими трудностями. Эти сложности обусловлены необходимостью точного установления уголовно-правовых признаков организованной группы на всех этапах её существования — от формирования до непосредственной преступной деятельности.

Актуальность проблемы квалификации действий отдельных участников организованной группы обусловлена комплексом взаимосвязанных правовых, социальных и практических факторов. В современных условиях наблюдается качественная трансформация организованной преступности, которая проявляется в усложнении структуры преступных формирований, разработке изощренных схем совершения преступлений и активном использовании цифровых технологий. Это закономерно порождает новые вызовы для правоприменительной практики, требуя адекватного уголовно-правового реагирования [3, с. 91].

Несмотря на различия в акцентах, все эти подходы сходятся в признании повышенной общественной опасности организованных форм преступности. Их комплексное изучение позволяет не только совершенствовать уголовно-правовые механизмы противодействия, но и разрабатывать профилактические стратегии, направленные на подрыв экономических

и социальных основ криминальных структур.

Организованная преступная группа характеризуется наличием внутренней организации, которая предполагает предварительную договоренность всех ее участников к объединению их усилий для достижения преступных целей. Зачастую в такой группе присутствует четкое распределение ролей между ее членами, что способствует более эффективной и изощренной реализации преступных замыслов. В отличие от простой группы лиц, действующей без предварительного сговора, в ОПГ отношения между соучастниками носят более стабильный и сплоченный характер. Руководящая роль организатора или руководителя группы является ключевым элементом, так как именно этот человек осуществляет планирование преступлений, распределяет обязанности, обеспечивает дисциплину и нередко связь с коррумпированными должностными лицами.

Выявление, пресечение и расследование преступлений, совершаемых в составе организованных преступных формирований, сопряжено со значительными практическими сложностями, вызванными в первую очередь правильным установлением уголовно-правовых аспектов (признаков) организованной преступной группы на всех стадиях её формирования и функционирования, большим числом лиц, принимающих участие в совместной преступной деятельности, количеством эпизодов, особенностями структурного построения, типом взаимодействия соучастников, а также применяемых мер конспирации. По данным официальной статистики МВД РФ, в 2024 году было зарегистрировано свыше 20 тысяч таких преступлений, причем их доля в общей структуре преступности продолжает увеличиваться. Организованные преступные

группы демонстрируют высокий уровень конспирации, что затрудняет их раскрытие и правильную квалификацию [5].

В юридической науке и правоприменительной практике существуют различные подходы к пониманию преступлений, совершаемых организованной группой, что обусловлено сложностью этого явления и его динамичным развитием.

Криминологический подход рассматривает организованную преступность как социально-правовой феномен, выходящий за рамки отдельного преступления. В этом контексте акцент делается на таких характеристиках, как структурированность группы, наличие коррупционных связей, контроль над определенными сферами экономики или территории. Данный подход позволяет анализировать организованную преступность не только с точки зрения конкретных составов, но и как системное явление, оказывающее влияние на общество и государственные институты.

Социологический подход фокусируется на механизмах формирования и функционирования преступных сообществ, изучая их как особые социальные группы со своими нормами, иерархией и субкультурой. В рамках этого подхода организованная преступность интерпретируется через призму групповой динамики, где важную роль играют лидерство, внутренняя дисциплина и способы легализации криминальных доходов.

С уголовно-правовой точки зрения, ключевым признаком организованной группы является ее устойчивость, которая проявляется в наличии организатора, жесткой иерархии, общих преступных целей и отработанных способов совершения преступлений. Участники такой группы могут выполнять различные функции — от непосредственного исполнения преступления до обеспечения его сокрытия, что требует четкой квалификации действий каждого соучастника [6, с. 35].

Следует разграничивать организованную преступную группу и более

опасную форму объединения — преступное сообщество. Преступное сообщество представляет собой сплоченную организованную группу, созданную для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организованных групп, действующих под единым руководством. Ключевым отличием здесь является степень сплоченности, масштаб деятельности и цели, направленные на совершение преступлений исключительно высокой степени тяжести [1, с. 152].

Таким образом, в российской уголовно-правовой системе подход к квалификации преступлений, совершенных организованными группами, демонстрирует, насколько серьезно государство относится к подобным правонарушениям. Законодатель осознает, что преступления, совершенные не в одиночку, а сплоченным коллективом, представляют собой гораздо более серьезную угрозу для общества и правопорядка. Это связано с их большей слаженностью, масштабностью и способностью противостоять правоохранительным органам.

Для того чтобы четко отделить такие преступления от других, Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает ряд конкретных критериев. Ключевыми признаками организованной группы являются ее устойчивость (то есть она создана не для одного эпизода, а существует продолжительное время), предварительная сплоченность (ее участники заранее договорились о совместной преступной деятельности) и четкая направленность на систематическое совершение преступлений. Тем не менее, даже при наличии столь детальной законодательной базы, на практике суды и следственные органы сталкиваются со значительными трудностями.

При установлении оснований уголовной ответственности организатора преступления необходимо учитывать несколько принципиальных аспектов. Выявление признаков состава преступления в действиях организатора должно осуществляться через системное толкование

норм как Общей, так и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации. Такой подход обусловлен тем, что фигура организатора, несмотря на кажущееся дистанцирование от непосредственного исполнения преступления, не может рассматриваться в отрыве от деятельности других соучастников, включая исполнителя [2].

Характерно, что при различии процессуальной квалификации действий соучастников и, соответственно, различии в выполняемых ими функциях, объеме и характере преступной деятельности, все они объединены единой преступной целью. Это единство обуславливает их солидарную ответственность за совместно совершенное преступление, независимо от степени личного вклада каждого участника.

В этой связи вина всех соучастников приобретает двойственную природу: она одновременно является и коллективной, и индивидуальной, что находит свое отражение в правоприменительной практике. Часть 3 статьи 33 УК РФ раскрывает содержание объективной стороны деяний организатора, характеризуя его личное преступное поведение, которое хотя и направлено на конкретный охраняемый законом объект, но неизбежно связано с противоправными действиями других участников преступления [5, с. 91].

При этом системный характер основания уголовной ответственности не исключает дифференциации ответственности соучастников. Статья 33 УК РФ ограничивается законодательным описанием ролевых функций различных видов соучастников, не раскрывая дополнительных уголовно-правовых механизмов привлечения к ответственности, которые могли бы способствовать более точной квалификации их действий. В статье 34 УК РФ к таким механизмам можно отнести лишь упоминание о характере и степени фактического участия лица в совершении преступления как критериях индивидуализации ответственности [7].

Таким образом, при установлении в действиях лица признаков, предусмот-

ренных частью 3 статьи 33 УК РФ, оно признается исключительно организатором, а не исполнителем преступления. Исключение составляет ситуация, когда организатор одновременно является соисполнителем преступления. На наш взгляд, данное исключение в определенной степени нивелирует, а в некоторых случаях практически полностью стирает границы между организатором и исполнителем. Это может маскировать реальную общественную опасность такого субъекта, позволяя ему минимизировать свою управленческую роль вплоть до ее полного отрицания [4, с. 35].

На наш взгляд, вопрос о безосновательном отнесении организатора, по мнению некоторых авторов, к соисполнителю, в случае его самостоятельного участия в исполнении преступления является спорным. Принцип «круговой поруки» категорически не применим в уголовном праве, а солидарная ответственность является одним из видов только гражданско-правовой ответственности должников. Кроме этого, представляется вполне понятными и справедливыми положения ч. 1 ст. 34 УК РФ, а также применение принципа субъективного вменения.

На процесс индивидуализации ответственности оказывают существенное влияние определение степени общественной опасности действий каждого соучастника. Это сложная задача решается путем анализа не только характера их действий и установление возможных или уже наступивших последствий, уровня активности, значимости, но и изучение личности. Так, для отдельных авторов особо важным критерием правильной квалификации действий соучастников является именно характер и степень фактического участия, без учета рассмотрения личности и мотивов. Основания уголовной ответственности соучастников возникают лишь при ссылке на ст. 33 УК РФ [8].

Законодатель предпринимает все меры для конкретизации ответственности организатора, что подтверждает редакция ч. 5 ст. 35 УК РФ. Обращает на себя вни-

мание то, что организатору инкриминируются преступления, совершенные организованной группой или преступным сообществом в случае, если они охватывались его умыслом. По смыслу указанного выражения, осведомленность организатора о предстоящих преступных действиях соучастников и общих с ними целях, доказывающих наличие совместного умысла, является определяющим для наступления его ответственности. Однако чем больше в составе преступной группы участников и чем сложнее она устроена, тем меньше у него возможностей отслеживать каждое конкретное преступление, совершаемое ее членами [9].

В правоприменительной практике регулярно возникают значительные сложности при разграничении организаторской деятельности от смежных форм соучастия — подстрекательства и пособничества. Это связано со значительным сходством внешних проявлений этих ролей в преступлении. Особую сложность представляет ситуация, когда в действиях организатора одновременно присутствуют признаки подстрекательства или пособничества, что порождает дискуссию о необходимости их отдельной юридической квалификации.

Сложившаяся судебная практика демонстрирует единообразный подход к данному вопросу: если подстрекательские или пособнические действия осуществляются в рамках выполнения организаторских функций, они полностью поглощаются квалификацией по части 3 статьи 33 УК РФ и не требуют дополнительной ссылки на части 4 и 5 этой же статьи. Такой подход основан на понимании организаторской деятельности как более сложного и объемного явления, включающего в себя элементы иных форм соучастия.

Однако важно подчеркнуть, что простое наличие в действиях лица признаков подстрекательства или пособничества само по себе не является достаточным основанием для признания его организатором преступления. Как теория уголов-

ного права, так и судебная практика последовательно исходят из того, что организаторская деятельность представляет собой качественно иную, более высокую степень вовлеченности в преступление, не сводимую к простой совокупности иных форм соучастия.

Особую проблему представляет квалификация действий новых членов организованной группы, не участвовавших в подготовке первоначального преступного плана, но присоединившихся на этапе реализации. В таком случае возникает вопрос о распространении на них ответственности за все преступления, совершенные группой до их вступления. Российская судебная практика исходит из того, что такой участник должен нести ответственность только за те преступления, в подготовке или совершении которых он принимал личное участие, и в которых его вина доказана. Однако это создает дополнительные сложности в доказывании, поскольку требует установления момента, когда лицо стало осознавать общий преступный умысел и начало действовать в его рамках [10].

Проблема индивидуализации наказания для участников организованной группы особенно остро стоит при рассмотрении дел о преступлениях в сфере экономики и коррупции. В таких случаях часто возникает ситуация, когда формально законные действия отдельных участников (например, юристов, бухгалтеров, банковских служащих) являются неотъемлемым элементом сложной преступной схемы. Доказывание их умысла требует тщательного анализа не только их профессиональных действий, но и понимания общего контекста преступной деятельности. В известном деле о хищении бюджетных средств при строительстве космодрома «Восточный» один из обвиняемых, руководитель подрядной организации, утверждал, что выполнял указания организаторов преступной схемы и не знал об источниках финансирования. Однако суд, изучив цепочку документов и свидетельские показания, уста-

новил, что он не только осознавал, но и активно участвовал в разработке механизма хищения, создавая фиктивные отчетные документы.

В заключение следует отметить, что действующая формулировка понятия организатора преступления, закрепленная в части 3 статьи 33 УК РФ, в целом является работоспособной и применяется на практике. Однако анализ правоприменительной деятельности выявляет наличие определенных противоречий в толковании данной нормы. Большинство исследователей сходятся во мнении о необходимости совершенствования законодательного определения организатора, хотя единого подхода к содержанию соответствующих изменений в доктрине не выработано.

Особого внимания заслуживает вопрос о наличии фигуры организатора в различных формах соучастия. Анализ закона позволяет утверждать, что такие формы как группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество предполагают возможность наличия организатора. В то же время, в группе лиц без предварительного сговора организатор отсутствует, поскольку законодатель исключает возможность распределения ролей при данной форме соучастия.

Представляется, что выделение организаторов преступной деятельности в отдельную категорию является недостаточно обоснованным, поскольку данное понятие в большей степени относится к криминологической характеристике преступности, нежели к уголовно-правовым

конструкциям, что создает дополнительные сложности в правоприменительной практике.

Содержание действий организатора организованной группы или преступного сообщества имеет значительное сходство с деятельностью лица, подготавливающего конкретное преступление группой лиц с распределением ролей. Ключевое различие между ними заключается в масштабе деятельности и характере объекта посягательства. Ответственность организатора за все преступления, совершенные членами преступного сообщества, обусловлена наличием доказанного общего умысла, направленного на достижение единых преступных целей.

Таким образом, проблемы квалификации действий отдельных участников организованной группы носят системный характер и требуют от правоприменителей комплексного подхода, сочетающего анализ объективных действий каждого участника с исследованием его субъективного отношения к преступной деятельности. Отсутствие четких формализованных критериев для разграничения ролей приводит к риску как необоснованного усиления ответственности для второстепенных участников, так и неоправданного смягчения наказания для ключевых организаторов преступной деятельности. Совершенствование практики в этой области требует более глубокой разработки методик доказывания субъективной стороны преступления и создания четких ориентиров для судов при оценке реального вклада каждого участника в общее преступное дело.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грошев А. В. Ответственность за организованные формы преступной деятельности по УК РФ и Республики Казахстан // 30 лет юридической науки КУБГАУ : Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Краснодар, 10 декабря 2021 года. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина. 2021. С. 152–160.
2. Гунькин Ю.И. Проблемные вопросы определения некоторых признаков организованной преступной группы // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. №8. С. 192–197.

3. Динар М.Ф. Направления организованной преступной деятельности в современных реалиях // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. №1 (101). С. 160–171. DOI 10.35750/2071-8284-2024-1-160-171.
4. Кебиров А.К. Организованная преступность в России: современные вызовы и пути решения // Закон и право. 2025. №2. С. 245–249. DOI 10.24412/2073-3313-2025-2-245-249.
5. Парфентьева О. З. Организованная преступная группа: основные признаки // Молодежь и наука: шаг к успеху: Сборник научных статей 6-й Всероссийской научной конференции перспективных разработок молодых ученых, в 3-х томах, Курск, 22–23 марта 2022 года. Том 2. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 91–94.
6. Санжапова З. А. Проблемы квалификации действий пособника преступления // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 1. № 2(14). С. 35–40.
7. Тангиров Э. О сущности организованной преступности в современном мире // Философия и право. 2023. Т. 25. №2. С. 29–32. DOI 10.24412/2181-7294-2023-2-29-32.
8. Тишкин Д.Н., Бабенко С.В., Костенко Н.С. Организованная преступность как глобально-криминальная система // Философия права. 2023. №2 (105). С. 138–145.
9. Чиняков О. Е., Перепелкин В. Ю. Ответственность организатора преступления: Проблемы квалификации преступных действий // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20. №1. С. 102–107.
10. Эриашвили Н.Д., Ларионова Л. И. Перспективы развития системы проявления организованной преступности в российской экономике // Закон и право. 2024. №10. С. 272–277. DOI 10.24412/2073-3313-2024-10-272-277.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Groshev A. V. Otvetstvennost' za organizovannye formy prestupnoj dejatel'nosti po UK RF i Respubliki Kazahstan // 30 let juridicheskoy nauki KUBGAU : Sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Krasnodar, 10 dekabrya 2021 goda. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet imeni I.T. Trubilina. 2021. S. 152–160.
2. Gun'kin Ju.I. Problemnye voprosy opredelenija nekotorykh priznakov organizovannoj prestupnoj grupy // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2023. T. 16. №8. S. 192–197.
3. Dinar M.F. Napravlenija organizovannoj prestupnoj dejatel'nosti v sovremennykh realijah // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2024. №1 (101). S. 160–171. DOI 10.35750/2071-8284-2024-1-160-171.
4. Kebirov A.K. Organizovannaja prestupnost' v Rossii: sovremennye vyzovy i puti reshenija // Zakon i pravo. 2025. №2. S. 245–249. DOI 10.24412/2073-3313-2025-2-245-249.
5. Parfent'eva O. Z. Organizovannaja prestupnaja gruppa: osnovnye priznaki // Molodezh' i nauka: shag k uspehu: Sbornik nauchnykh statej 6-j Vserossiyskoj nauchnoj konferencii perspektivnykh razrabotok molodykh uchenykh, v 3-h tomah, Kursk, 22–23 marta 2022 goda. Tom 2. Kursk: Jugo-Zapadnyj gosudarstvennyj universitet, 2022. S. 91–94.
6. Sanzhapova Z. A. Problemy kvalifikacii dejstvij posobnika prestuplenija // Teorija prava i mezhgosudarstvennykh otnoshenij. 2021. T. 1. № 2(14). S. 35–40.
7. Tangirov Je. O sushnosti organizovannoj prestupnosti v sovremennom mire // Filosofija i pravo. 2023. T. 25. №2. S. 29–32. DOI 10.24412/2181-7294-2023-2-29-32.
8. Tishkin D.N., Babenko S.V., Kostenko N.S. Organizovannaja prestupnost' kak global'no-kriminal'naja sistema // Filosofija prava. 2023. №2 (105). S. 138–145.
9. Chinjakov O. E., Perepelkin V. Ju. Otvetstvennost' organizatora prestuplenija: Problemy kvalifikacii prestupnykh dejstvij // Problemy jekonomiki i juridicheskoy praktiki. 2024. T. 20. №1. S. 102–107.
10. Jeriashvili N.D., Larionova L. I. Perspektivy razvitija sistemy projavlenija organizovannoj prestupnosti v rossijskoj jekonomike // Zakon i pravo. 2024. №10. S. 272–277. DOI 10.24412/2073-3313-2024-10-272-277.

Поступила в редакцию: 19.10.2025.

Принята в печать: 30.12.2025.